

Дурдом

Автор:

[Кирилл Казанцев](#)

Дурдом

Кирилл Казанцев

Я – вор в законе (Эксмо)

Оперативник МУРа на свой страх и риск берется за расследование таинственных исчезновений людей, чье прошлое связано с преступным миром и тех, кто страдает психическими расстройствами. Он и не подозревает, с какими могущественными силами ему придется столкнуться в неравном бою. «Дурдом» – одно из лучших произведений, написанных в жанре полицейского детектива. Книга получила Первую премию МВД России за лучший детектив года.

Кирилл Казанцев

Дурдом

© Рясной И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

За иллюминатором была тайга. Много тайги. Точнее, там не было ничего, кроме зеленого океана тайги под синим куполом безоблачного неба.

Старенький «Ми-8», скрипя, кряхтя, барабаня по воздуху бешено вращающимися лопастями, тащился к пункту назначения. В салоне дремали пятеро вооруженных людей. Они не были расположены любоваться природными красотами. Они привыкли к вечной тайге за иллюминаторами, к вечной тряске, к вечному реву вертолетных моторов и пропахшему горючим неуютному салону. Порой им казалось, что они занимаются этим делом уже не первую тысячу лет. Им было скучно. Одни подремывали, прижав к себе автоматы Калашникова, другие зевали, поглаживая гладкую оружейную сталь. Все новости были обсуждены еще утром, все разговоры переговорены, все анекдоты рассказаны. Скука и зевота – это были их постоянные спутники. Правда, время от времени кого-нибудь из вооруженных людей приятно будоражила мысль о том, что можно было бы найти немало способов достойно распорядиться содержимым опечатанных мешков, которые приходилось сопровождать. Шестисотые «Мерседесы», белоснежные яхты, курорты на Багамах – мало ли на что можно замахнуться, имея сто одиннадцать килограммов приискового золота...

– Вот рухлядь! – второй пилот ударил ладонью по корпусу рации.

Рация барахлила постоянно. Она выходила из строя в самые неподходящие моменты, и второй пилот готов был поклясться, что у нее есть характер, притом характер такой, которому позавидовала бы даже его теща. Рации явно доставляло удовольствие безнаказанно издеваться над вторым пилотом. Рация знала, что, несмотря на преклонный возраст, сдавать в утиль ее не станут – тут вертолеты летают на честном слове, нет денег не то что на новые машины, но и на ремонт старых, в том числе и на замену радио-оборудования. Рация рассчитывала еще на долгую жизнь, полную приятных старушечьих козней.

– Вот змея! – в сердцах бросил второй пилот.

Неожиданно после второго апперкота рация ожила.

– Двадцать три двести четыре, почему не выходили на связь? – слышался в наушниках голос диспетчера управления воздушным движением.

– Техника капризничает.

– Вам новая вводная. Срочно забрать геологов с Седого Лога. Там одного медведь помял.

– Это нарушение правил. У нас спецгруз.

– Вы – ближайший борт. Другие не успеют. Человек погибнет.

– Понял.

Диспетчер сообщил координаты, и вертолет лег на новый курс. Хорошо еще, крюк невелик.

За пятнадцать минут до этого «Ми-8» натужно воспарил над золотоприемной кассой прииска «Кедровый». Это должен был быть последний пункт, а потом домой, на базу – там вертолет будет ждать светло-желтый броневедомитель с синими пуленепробиваемыми стеклами. Мешки с веществом, в котором пока еще трудно опознать золото, отправятся на афинажный завод, и свершится превращение коричнево-зеленой неприглядной массы в сверкающие золотые слитки – предмет страстей и вожделения бесчисленных поколений homo sapiens. И вот непредвиденная задержка.

Через двадцать минут вертолет завис над ровной площадкой. По траве пошли волны от упругих воздушных струй. Машина качнулась и мягко приземлилась на землю.

Логово геологов представляло собой несколько бараков, пару навесов и мачту для антенны. Все выглядело запущенным, пустынным.

– Что-то не нравится мне здесь, – покачал головой старший группы сопровождения груза, кладя пальцы на затвор автомата. – Место гиблое.

– Да брось, служивый, – отмахнулся второй пилот. – Место как место... А вон и хозяйева.

От барака к вертолету приближалась сухощавая женщина лет сорока пяти на вид, на ней была просторная потертая ветровка защитного цвета. В руке ее непонятно зачем болталась пустая кошелка – с такими обычно старушки ходят в

городах за кефиром. А вот за чем с ними ходят в тайге?

– Прилетели, голуби, – криво улыбнулась она, обводя мутными глазами прибывших.

– Прилетели, мамаша, – хмыкнул второй пилот. – Ну, показывай, где твой медведем придавленный...

В назначенное время борт двадцать три двести четыре на связь не вышел. Все попытки связаться с ним оказались бесплодными. На поиски были подняты четыре вертолета и два самолета «Ан-26». Через девять часов пропавший вертолет был обнаружен. Целехонький. Члены экипажа и охранники находились без сознания. Когда их привели в себя, они так и не смогли вразумительно объяснить, куда делись сто одиннадцать килограммов приискового золота. Как назло, как раз это-то они и запомнили. Бедняги вообще почти ничего не помнили. Память у всех отшибло примерно в то время, когда вертолет заходил на посадку. Лишь один охранник вспомнил тетку с кошелкой, но описать ее сносно не сумел.

Их, проспавших часть российского золотого запаса, допрашивали долго и нудно. При этом компетентные лица не уставали повторять, что от свидетеля до обвиняемого один шаг. Особенно досталось летчикам – и поделом. Кто, как не они, привел машину в ловушку.

Старший следователь по особо важным делам Прокуратуры России терзал второго пилота, который уже начал проклинать день, когда родился на свет.

– Это какие такие геологи в Седом Логе? – иронично вопрошал следователь. – Они снялись два месяца назад. Ах, не знали. Понятненько... Какие такие больные? Холера, чума, сибирская язва? Ах, медведь помял. А мамонт там никого не помял?..

Вскоре начала вырисовываться любопытная и странная картина. Экипаж и охрана были выведены из строя каким-то чрезвычайно эффективным парализующим веществом, установить состав которого не представилось возможным. В рацию скорее всего был встроен хитроумный электронный сюрприз. При поступлении сигнала с земли инородное устройство автоматически блокировало его на определенном диапазоне, который ничего общего не имел со

стандартным диапазоном для переговоров летчиков с землей. И когда экипаж был свято уверен, что его ведет служба управления воздушным движением, на самом деле этот труд взял на себя таинственный злоумышленник. Сам технический сюрприз преступники забрали с собой.

Как божий день было ясно, что не обошлось без участия кого-то из аэропортовых служащих. Кого? Ответ на этот вопрос искать долго не пришлось. После происшествия исчез техник по радиооборудованию, обслуживавший борт двадцать три двести четыре.

* * *

Эх, если бы заранее знать, на сколько именно опоздает девушка, с которой у тебя свидание. Тогда можно было бы опаздывать ровно настолько же и таким образом приходить вовремя. Но, похоже, это одна из самых неприкосновенных девичьих тайн. Может быть, и существуют на свете девушки, которые вообще не опаздывают, но мне такие пока не попадались. А вывести научным путем формулу опозданий хотя бы одной отдельно взятой дамы мне никак не удавалось. Впрочем, некоторые закономерности я нащупал. Дольше всего тебя заставляют ждать тогда, когда обстановка наименее благоприятствует этому. Например, хлещет косой мерзкий дождь. Или трещит мороз, превращая твой нос и уши в сосульки. Или, как сейчас, билеты начинают жечь карман, и ты понимаешь, что вскоре долгожданный культпоход в театр сгорит синим пламенем.

Но вот свершилось – Клара выпорхнула из подземного перехода у метро «Войковская» и плавно поплыла ко мне, ловко огибая газетчиков, бомжей, легко двигаясь в часпиковской московской толпе. Сама непосредственность и непринужденность, она грызла своими белыми ровными зубами «милки вэй» – это в котором «так много молока», и вполне могла рекламировать зубную пасту «блендамед» – это которая «лучшее средство против кариеса».

– Как, ты уже здесь? – ее наивные зеленые глаза распахнулись еще шире. – А я думала, мне, как всегда, придется тебя ждать.

Намек понят. Год назад я единственный раз опоздал на целых десять минут, а она единственный раз всего лишь на пять – невероятная и не оцененная в то время мной доблесть.

– А ты уверена, что спектакль без нас не начнут? – саркастически осведомился я. – Где ты ходишь?

Она цепко взяла меня под локоть, так что наманикюренные пальцы впились в кожу через материю пиджака.

– Как, ты ничего не знаешь? Я была в фирме «Интерсоюз». Мне предложили работу манекенщицей. Первые полгода – в Вашингтоне. Потом – Гамбург. Открываются головокружительные перспективы, – щебетала она весенней птахой. – Ты рад, дорогой?

– Безумно.

– Я обещала подумать.

Она привычно мило преувеличивала. Кто-нибудь, может, выразился бы суровее – она лгала, но по отношению к такому небесному и невинному существу, как Клара, употреблять подобные слова просто грешно. Она «преувеличивала», по моему, с момента, когда произнесла первое слово. Ее младенческое «агу» уже было «преувеличением». «Преувеличивала» она постоянно, неустанно и совершенно бескорыстно. Часто даже сама начинала искренне верить в свои слова. Мне понадобилось полтора года, чтобы разобраться в ее образовании, месте работы и в том, что она вовсе не правнучка князя Голицына.

Если двигаться на метро, то мы безнадежно опаздывали. Так что пришлось тормозить «левака» – удовольствие приятное, но дорогое. Я почти наяву слышал, как жалобно потрескивает мой месячный бюджет, как и без того тощие финансы готовятся спеть жалобный романс. Конечно, нищета не грех. Нищие – люди достойные и гордые. Вот только плохо, что они... нищие.

Театр «На завалинке у Грасского» заполнил остов потонувшего в рыночном океане кинотеатра «Комсомолец Таджикистана». Облупившееся салатозеленое здание, построенное до войны, с некогда белыми колоннами, вполне подходило для театра. «Завалинка» считалась модным богемным заведением, полигоном для прокатывания самых безумных авангардистских идей.

Наш водитель гнал как бешеный, так что прибыли мы с запасом, но далеко не первыми. Огороженная цепями площадка перед театром была заставлена машинами самых разных марок – начиная от «Мерседесов» – блестящих и гладких, и кончая «Запорожцами» – мятыми и непритязательными.

У входа висела огромная, подсвеченная неоновыми лампами, по-авангардистски кривая и косая афиша, уведомлявшая, чем осчастливят «Завалинки» благодарного зрителя в ближайший месяц. Сегодня шла пьеса «На фига козе баян» – в скобках «попытка эротического осмысления фрейдовских сфер». Завтра – вторая часть «фрейдовского осмысления» «На фига негру снегоход» – пьеса в трех действиях с прологом и эпилогом. Следующие дни обещали «Сны ржавого коленвала», «Колобки на тропе войны – экзотические инсталляции». Потом – «Кузькины дети». И, наконец, «Обломов»!

В фойе плотно толпился народ. Тут были и дамы в вечерних платьях, внешними стандартами напоминающие манекены, вышедшие с одной фабрики, а по росту – олимпийскую баскетбольную команду. И гладкокостюмные мальчики с беспорядочно торчащими из всех карманов мобильниками. И богемные девчата и ребята (кто из них какого пола, определить порой было весьма нелегко), одетые странно и вызывающе – судя по повадкам и лицам, некоторые из них искурили не одну плантацию конопли и уничтожили не одно маковое поле.

Побывать на «Завалинке» считалось хорошим тоном, поэтому здесь, как всегда, рыскали голодными волками журналисты, толпились слегка ошалевшие и ничего не понимающие бизнесмены и фотомодели. Затесалась даже (кто бы мог подумать!) парочка театралов, таких, как я – людей здесь ненужных и никому не интересных.

Когда ползарплаты тратишь на театральные билеты, ничего удивительного, что через некоторое время начинаешь узнавать таких же завсегдатаев подобных сборищ. Некоторых я уже заметил. Вот, например, эти двое – за последние годы они мне так примелькались. Я даже знаю фамилии и имена этих господ – Геннадий Горючий и Сидор Курляндский. Честно говоря, видел я их не только в театрах. Даже не столько. Первый – крепко сколоченный, кряжистый, как прадедушкин буфет, – не кто иной, как мой родной шеф. Второй – шарообразный, быстрый и переливающийся, как ртутный шарик на столе, все время улыбающийся живчик – тоже шеф, спасибо, не мой.

– Ба, да это Георгий, – развел руками мой шеф Горючий, деревянно улыбаясь.

- Ба, да это Ступин, - развел руками не мой шеф Курляндский.

- Ба, знакомые все лица, - теперь настала моя очередь разводить руками.

- Ба, с девушкой, - всплеснул руками Курляндский.

- Клара, - представилась моя спутница и сделала книксен. - Корреспондент телевидения.

Врет - вздохнул я, но вслух этого не произнес и поспешил перевести разговор в иное русло:

- Какими судьбами? Интересуетесь авангардом?

- Кто, я? - удивился Курляндский. - Ну что вы. Закрывать будем, - его улыбка стала как у Буратино - от уха до уха.

- Бог ты мой, - только и сказал я.

- А если повезет - то и сажать, - мечтательно протянул Курляндский, поглаживая кончиками пальцев программку, на которой была изображена обнаженная девица.

Хобби прокурора отдела городской прокуратуры Курляндского - дела по порнографии. Время от времени он закрывал какой-нибудь театр, которых развелось бесчисленное множество, или отправлял за решетку особо прыткого главного редактора какой-нибудь газеты горячих эротических новостей. Обычно после этого на него обрушивался огневой шквал из всех орудий средств массовой информации. Под таким артобстрелом многие дела бесславно гибли. Курляндский уходил на полгода в тину и отлеживался, как сом за корягой, потом выплывал к свету, на поверхность и принимался за старое.

- Давненько вас, Сидор Мстиславович, не видать было, - произнес я.

- В отпуске за свой счет был, - сообщил прокурор. - Ездил с женой в Турцию за дубленками. Она ими в Лужниках торгует.

– Она же у вас доктор наук, преподаватель Московского университета, – удивился я.

– Вот и я говорю – не все ей в университетах преподавать. Кто-то в семье деньги должен зарабатывать. Хозяйство надо поднимать.

– Молодец, – оценил инициативу своего приятеля шеф. – Хозяйственный, как кот Матроскин... Ну что, пожалуй, пора в зал.

– Посмотрим, – улыбнулся змеино Курляндский.

А смотреть было на что. Зрелище, именуемое постановкой «На фи́га ко́зе баян», было эпатающим! По сцене клубился дым, подсвеченный бешено мечущимися по сцене пятнами от разноцветных лучей. Весело грохотали взрывпакеты. Затем настало время огнетушителей – пена залила сцену и скудные декорации, досталось и зрителям в первых рядах. Актеры, скачущие, ползающие, катающиеся по сцене, стоящие на головах и ходящие на руках, время от времени раздражались невнятными диалогами – что-то о коловращении внутренних пространств и об эротичности истории. Почти голая деваха с объемными формами, слегка прикрытыми воздушной прозрачной тканью, сидела на табуретке и время от времени шпарила на баяне «Интернационал» и «Правь, Британия, морями». В дыму копошилась еще пара обнаженных фигур, но чем они там занимались – было трудно различить.

Так и дошло дело до антракта. И зрители, несколько пришибленные, двинули из зала.

В буфете лилось шампанское. В туалете, наверное, курили анашу. Доносились экспресс-рецензии только что увиденному.

– Пацаны, я тащусь. Ломовой прибабах...

– Да не гони ты. Лажа. Я у мамы дурачок...

– Концептуальное решение динамического ряда несколько вяловато...

– Дайте мне стакан вина – я не выдержу!..

К нам опять подошли шеф и прокурор. У Курляндского вид был унылый.

– Не привлечешь их, – вздохнул он разочарованно.

– Жалость какая, – посочувствовал я чужому горю.

– Даже не закроешь. Черт поймет наших крючкотворов. Им все мерещится пресловутая разница между эротикой и порнографией. Мол, художественный замысел тут или нарочитое изображение порока... Тьфу. По мне так – голую бабу показал... – он оглянулся на Клару. – Пардон, обнаженную даму продемонстрировал – парься на киче... Ох, бесстыдники.

Я начал искать благовидный предлог, чтобы свалить из этой компании, но не тут-то было. К нам присоединились трое незнакомцев – а это уже почти митинг...

Эх, если бы знать, что в этот момент собралось большинство действующих лиц этой истории!

Плечистый, вальяжный, элегантный, как холодильник «Индезит», мужчина в клетчатом, с иголки, стильном костюме, с неизменным мобильником в кармане, по идее, должен был принадлежать к неистовому племени «новорусаков». Но что-то мне подсказывало – нет, не из этой породы, хоть за его спиной и маячил крепкий, с каратистски набитыми кулаками субъект, подходящий на роль телохранителя при важной особе. На вид «каратисту» было лет тридцать, и его голубые глаза ничего не выражали. Судя по физиономии, вряд ли кто рискнул бы упрекнуть его в избытке интеллекта. Третьим в этой компании был чахоточный угрюмый тип с волосатой грудью. То, что грудь волосатая, было видно хорошо, поскольку на нем была розовая, в цветочках, майка, слегка прикрытая черным с синей полосой узким галстуком. Ниже шли отутюженные брюки, похоже, от фрака, и завязанные тапочки с помпончиками. Половина его головы была выбрита наголо, зато на другой половине взрос запущенный сад нечесаных лохм. Ему было за тридцать, в его возрасте так одеваются только чересчур экстравагантные люди.

Вальяжный мужчина в стильном костюме оказался хорошим знакомым шефа и прокурора, он представил своих спутников. Пошли рукопожатия, сдержанно вежливые улыбки – стандартная процедура знакомства. Я узнал, что «клетчатый костюм» – это профессор Дормидонт Тихонович Дульсинский. Голубоглазый

зомби – его шофер Марсель Тихонов. А угрюмое огородное пугало – не кто иной, как надежда и опора российской культуры, главный режиссер «Завалинок» Вячеслав Грасский. Его рассеянный взгляд скользнул по нам и приобрел некоторую осмысленность, задержавшись на Кларе. Общаться с нами режиссеру не сильно хотелось, и своих чувств он не скрывал.

– Как вам спектакль моего молодого друга? – профессор лукаво улыбнулся.

– Не дотягивает, – поморщился Курляндский.

– До чего не дотягивает? – встрепнулся Грасский.

– До статьи уголовного кодекса о распространении порнографии.

– Вы что, знаток уголовного кодекса? – недобро усмехнулся Грасский.

– Я прокурор, – виновато произнес Курляндский.

– Понятно. – Грасский, наливаясь ледяным презрением, сложил руки на груди. – Взгляд на искусство через оторванную подметку. Сквозь голенище сапога.

– Красиво излагаете, – оценил фразу Курляндский.

– Притом сапога нечищеного. – Грасский на глазах менялся, наливался лихорадочной энергией, голос его крепчал. – Скажите, прокурор способен понять, что такое идея сублимации подсознательного экстаза в ритме тонких вибраций?

– Сложновато, – согласился Курляндский.

– А что такое трансформация космического «Я» в процессе совершенствования социума. Что такое виртуальные вселенские связи и закономерности. Это вам не какой-то кодекс, которым вы самонадеянно осмеливаетесь опутывать истинное искусство.

– Вообще-то сумасшедшинкой отдает.

Последние слова Курляндского возымели волшебное действие. Режиссер подобрался, как поджарый голодный помойный кот, изготовившийся к прыжку на канарейку, глаза его яростно сверкнули.

- Чепуха! Все это нормально, естественно. Как можно не понимать этого?! Сумасшествие... Сумасшедшие – плесень общества! Отбросы Вселенной! А отбросы надо сжигать! Сжигать!

- Вопрос спорный, – опасливо произнес я, глядя на неожиданно и не по делу вышедшего из себя Грасского.

- Для вас – может быть. Для меня все тут ясно. Честь имею, господа, – он щелкнул задниками тапочек и собрался удалиться.

Клара кинула на меня холодный взгляд – мол, неча наезжать на всемирную знаменитость, тебе, валенку, не понять тонкой души художника – и кинулась в прорыв.

- А мне кажется интересной мысль об интуитивном анализе фрейдовских постулатов на уровне искусства. Театр для этого подходит как нельзя лучше. Когда я была в абсурдистском театре в Париже...

Грасский тут же растаял, и Клара отчалила от нашей компании, заливая режиссеру что-то о своих парижских ощущениях. Она обожает общаться с богемой и говорить на малопонятные темы. Она умеет вызывать у них интерес, так как «преувеличивает» без всякого зазрения совести. Хотя не была она ни в каком абсурдистском парижском театре. Да и вообще в Париже не была. Но Грасскому до этого не докопаться – «преувеличивает» Клара профессионально, ее в тыл врага забрасывать – никакая контрразведка бы не расколола.

- Не обращайтесь внимания на эксцентричность моего знакомого, – извинился профессор. – Художники, мечущиеся души.

- Вам нравится его чудовищный спектакль? – брезгливо поморщился Курляндский.

- Ну что вы. Просто я иногда прихожу сюда повидать моего бывшего пациента - Славу Грасского. Я потратил на его лечение почти год.

- И вы считаете, что вылечили его? Он в норме? - удивился я.

- Что такое норма? - пожал плечами профессор. - Спору психиатров о грани между нормой и патологией не одно столетие. Слава же... Скажем так - сегодня он адаптирован к жизни вне стационара.

Профессор говорил мягким, хорошо поставленным, воистину профессорским голосом. При этом он смотрел в глаза именно мне...

У классных сыщиков есть свойство - от их ласкового взора хочется написать явку с повинной и признаться во всех преступлениях, начиная от разбитого в первом классе оконного стекла. Глаза профессора призывали исповедоваться в том, что твоя двоюродная тетка считала себя Марией Медичи, дед имел славу деревенского маньяка, а тебе самому ночами мерещатся пушистые шебуршинчики из подотряда рукокопытных... Фу, холера, не в чем мне исповедоваться!

- Почему же он так враждебно настроен к психически больным? - спросил шеф.

- Психбольные чаще отрицают у себя заболевание, и этот разлад с собой порой приводит к агрессии против своих товарищей по болезни.

- Он же опасен.

- На словах. При таком поведении пропасть между поступком и мыслью достаточно широка... Извините, вынужден вас оставить. Дела.

Он сердечно распрощался с нами. Пожимая мне руку, загадочно произнес:

- Приятно было с вами познакомиться. Думаю, мы еще встретимся.

- Только не в вашей вотчине.

- Как знать...

На второй акт профессор не остался. Вместе с голубоглазым зомби он удалился, оставив меня в некотором замешательстве и недоумении.

- Мировая величина, - с уважением произнес шеф. - Почетный член множества академий, профессор ряда западных университетов. Главврач новой Подмосквонной клиники на базе недостроенного медцентра четвертого управления Минздрава.

- С телохранителем ходит.

- А как же, Гоша. Он же не то что мы. Имеет дело не с мирными рэкетирами, убийцами и насильниками. У него контингент - ого-го... Ценное знакомство ты сегодня приобрел. Еще спасибо скажешь.

- Ха, - оценил я шутку шефа.

- Кстати, слышал о новом Указе президента от двадцать девятого мая? - спросил шеф.

- Не припомню.

- «О психиатрической помощи населению». Там сказано, что милиции надлежит усилить работу среди общественно опасных психически больных. Наш главк первый откликнулся на указ. Начальник ГУВД издал приказ, по которому на МУР возлагается оперативное прикрытие этой преступной среды. И выделяется штатная единица.

- Сумасшедший дом! - воскликнул я.

- Эту единицу передали нам в отдел.

- Чего только не бывает.

- В приказе сказано - назначить наиболее опытного сотрудника, имеющего стаж оперработы не менее пяти лет.

– И с хорошими нервами, – добавил я. – Кто послабже, узнав о таком назначении, моментом застрелится.

– Кстати, у тебя пистолет с собой? – вдруг подозрительно заботливо осведомился шеф.

– Нет.

– Отлично... Тебя на эту линию и назначили...

* * *

В студии телевидения надутого бизнесмена обкомовско-комсомольского разлива допрашивает глубокомысленно-озабоченный обозреватель.

– Оно понятно – инвестиции, дебет-кредит. Слышали не раз. А вот что вы скажете на это. Цитата из газеты «Аргументированные слухи». «Деньги корпорации «Колумб» нажиты путем крупных финансовых махинаций с кредитами Международного валютного фонда».

– Что за чепуха? Мы не имели к этим кредитам никакого отношения!

– Ну-ну, не волнуйтесь. Вот документик-с. Ксерокс с газеты. Пожалуйста... А еще поговаривают, что ваша корпорация похитила семь миллионов долларов из фонда «Дети Чернобыля». Нехорошо.

– Полнейшая чушь! В жизни не видел никаких детей Чернобыля!

– Да вы не нервничайте, не нервничайте. Не надо. Вот документик, цитата из газеты «Московские скандалы».

– Чем мы тут занимаемся?! Что за бесстыдные инсинуации?!

– Ах-ах, обиделся... Скажите лучше мне честно, как на духу – вы вор?

– Мерзавец!

Взрыв негодования, хлопок микрофоном о стол. Уходит. Занавес опускается.
Рекламная пауза.

«В этой ветчине так много свинины, что она того и гляди захрюкает. Ветчина «Хам» так вкусна, что ты и сам, отведав ее, захрюкаешь от удовольствия. Хрю-хрю».

«Когда от работы голова идет кругом и хочется чего-нибудь особенного, сделай паузу, отнеси деньги в банк «Русьинтернейшнл» – самый устойчивый банк».

«Вас приглашает клуб любителей клоповых боев. К вашим услугам пивной бар, ресторан с лучшей в Москве кухней, охраняемая автостоянка. Для девушек вход бесплатный...»

Я вдавил кнопку на дистанционном пульте, и экран моего «Шиваки» с готовностью потух. Смотреть повтор вчерашней передачи «Час правды» с ведущим Андреем Карабасовым я не стал. Ничего нового он не скажет.

Я побрился, умылся и услышал щебетанье Клары:

– Завтрак готов.

Небо сегодня не упало на землю, но я не удивился бы подобному казусу. Чему можно удивиться после такого фантастического события – Клара встала раньше меня и приготовила завтрак! И пусть на столе всего лишь жалко желтеет пережаренная яичница и дымится растворимый кофе, но такие мелочи не в силах умалить торжественность момента.

Клара чмокнула меня в щеку, оставив отпечаток сиреневой, с блестками помады – конечно же, она не могла стряпать завтрак, предварительно не приведя себя в порядок и не наведя марафет.

– Поешь, дорогой. Я так старалась.

В последние дни с Klarой творилось что-то странное. Ее никогда нельзя было упрекнуть в излишнем внимании к окружающим, особенно ко мне. Она – существо очаровательное, с наивной непосредственностью эгоистичное, но при

этом мягкое и доброе, готовое всегда пустить жалостливую слезу. А в последнее время она неожиданно стала заботлива до елейности. Сперва начала настойчиво интересоваться доселе не слишком занимавшими ее вопросами – как мое самочувствие, мое настроение, мои желания. И вот дошло до завтраков. Чудес не бывает. За считанные дни только в кино становятся другими людьми. Просто у нее что-то на уме. Возможно, она затеяла какой-нибудь тайный флирт. Время от времени она уходила от меня к очередному «очаровательному мальчику, такому нежному и богатому», однако вскоре, разочаровавшись в новом властелине своего сердца, возвращалась к надежному, как сейф «Трезор», тертому волку Гоше Ступину, то есть ко мне. В общем, сейчас Клара выглядела как кошка, которая слопала сметану и, подлизываясь, виновато трется о ноги хозяина. Знает киска, чей «Вискас» съела. А я не знаю.

– Как тебе яичница, дорогой? – Клара преданно смотрела мне в рот.

– Просто изумительно.

Я с трудом проглотил кусок подошвенно-жесткой яичницы. Ненавижу яичницу. Особенно глазунью. Такое ощущение, будто глотаешь что-то живое.

– Спасибо, милый.

Я отхлебнул кофе. Клара сидела напротив меня. И вдруг меня будто легонько потрянуло электрическим зарядом. Я понял, что нового в Кларе по сравнению с прошлыми периодами, когда она пыталась водить меня за нос со своими воздыхателями. В ней ощущался какой-то напряженный вопрос. Какая-то опасливая серьезность. Что с тобой творится, девочка моя? Спрашивать напрямую бесполезно – все равно соврет... ох, простите, «преувеличит».

– Ты сейчас на работу, дорогой? – поинтересовалась она.

– А куда же еще.

– Опять к этим ужасным психам?

– Да. Еще месяц такой жизни, и я созрею для оперативного внедрения в любой дурдом.

Доев яичницу и запив ее быстрорастворимым кофе, я накинул легкую кожаную куртку, причесался перед зеркалом в прихожей. Потом привычно поцеловал Клару.

Пора. Сегодня у меня визит к Шлагбауму.

* * *

Несомненно, прошедшие недели были самыми кошмарными за все восемь лет моей милицейской жизни.

Выписка из приказа начальника ГУВД, расписывающего мои функциональные обязанности, снилась мне по ночам. Мне предписывалось «осуществлять контроль за общественно опасным контингентом в вышеуказанной среде. Принимать меры к профилактике преступлений и правонарушений, к приобретению и укреплению оперативных позиций, изысканию лиц, готовых к сотрудничеству, к вербовке агентуры».

Тот, кто готовил этот документ, сам вполне созрел на роль «контингента из вышеуказанной среды». У автора, похоже, был белогорячечный бред. В Москве несколько десятков тысяч стоящих на учете психов, многие из которых доросли до того, чтобы считаться общественно опасными. И со всей этой ратью должен биться один оперуполномоченный, пусть даже и по особо важным делам (вот спасибо-то, в должности подняли, будь она неладна!).

Агентура из числа «вышеуказанного контингента»! Профилактическая работа! Это же надо!

Я быстро понял, что конкретных результатов с меня требовать никто не намерен – начальство пока что утратило связь с действительностью только на бумаге. На оперативных совещаниях в отделе я чувствовал себя случайным наблюдателем, эдаким Чацким – человеком со стороны, свысока взирающим на кипение мелких человеческих страстишек. Что мне так называемые громкие дела, над которыми трудился наш отдел, – убийство семьи из пяти человек, поиски киллера, взорвавшего офис с семерыми сотрудниками фирмы «Роза ветров», захват террористом детского садика и кража колеса с машины заместителя мэра? У меня дела покруче. Десятки тысяч единиц самого взрывоопасного

человеческого материала. Критическая масса «ядерного» топлива. Нагасаки и Хиросима плюс ядерный полигон на Новой Земле.

Моя новая должность прекрасно годилась для очковтирательства. В принципе, это почти санаторный режим – штампуй один за другим липовые отчеты, которые все равно никто не удосужится проверить, и плюй в потолок. Но, будучи человеком дисциплинированным и ответственным, я имел дурную для опера привычку отвечать за каждую галочку в отчетности, вместо того чтобы маяться дурью и праздно проводить время, я засучил рукава и начал пахать.

Перво-наперво я состыковался с психиатрами, с которыми мне надлежало в будущем контактировать по знаменитому приказу. Когда я объяснял им цель моего визита, они почему-то начинали очень пристально изучать мое удостоверение, похоже, надеясь разоблачить во мне тайного пациента. Следующий шаг – я перекопал все соответствующие учеты. Из списков опасных психбольных я выбрал несколько сот человек, представляющих наибольший интерес. Потом взял под мышку папку с бумагами и двинул знакомиться с «вышеуказанным контингентом», дабы «проводить профилактическую работу» и «укреплять оперативные позиции».

Поначалу это было даже забавно. Но вскоре стало нестерпимо тоскливо. Ведь я был из тех оперов, которые горят на работе. Порой синим пламенем. А тут совершенно бесцельная непонятная работа. Впрочем, скучал я недолго. До того момента, пока не набрел на нечто удивительное... Но стоп, обо всем по порядку.

Начав работать с людьми, я сделал несколько открытий. Убийцы, насильники и злостные поджигатели из «контингента» оказывались, как правило, вежливыми, гостеприимными, приятными в общении людьми. Они поили меня чаем с вареньем (к счастью, без стрихнина и цианистого калия), увлекательно рассказывали о рыбной ловле и об их опыте взращивания помидоров в коммунальной квартире. Ко мне они относились дружелюбно и с сочувствием, если не считать некоторых недоразумений: пары попыток задушить меня шарфом и одной сбросить с шестнадцатого этажа. Но у большинства я почему-то вызывал доверие. Многие даже искренне желали помочь мне. Одни обещали замолвить за меня словечко президенту России или США. Другие – познакомить с жителями иных миров, которые готовы мне «прочистить энергетические каналы и подлатать карму». Третьи предлагали бесплатно порошок, помогающий от ящериц, летающих по ночам по квартирам, или эликсир для роста гаечных ключей.

О совершенных в прошлом контингентом проступках говорить я зарекся после беседы с застарелым эпилептиком. Кстати, эпилептики считаются самыми злобными из психически больных. Сдуру я попросил одного поделиться воспоминаниями. Он и поделился. В жизни я встречал немного людей такого безобидного вида. Он походил на Чебурашку, а говорил голосом, которым обычно вещают в мультиках за кадром: «В некотором царстве, в некотором государстве».

– Иду я домой. Приятнейший, теплый весенний денек. Захожу в подъезд, в лифт. Лифт у нас старенький, с распашными дверьми. Вдруг вижу, в подъезд входит Марья Ивановна, милейшая женщина. Я говорю – идите сюда, Марья Ивановна, чего вам лифта дожидаться? Она подошла, говорит – спасибо вам, а сама пальчики-то свои, пальчики на железяку положила. Я дверью пальчики-то ее и ударил...

При этих словах эпилептик подпрыгнул на стуле и вмиг трансформировался из Чебурашки во взбесившегося Дракулу. Он истошно завопил, раздирая глотку:

– Я ударил ее! Ударил!!!

Через две недели, отработывая дальше список, я добрался до одного знакомого лица – главного режиссера «Завалинки» Славы Грасского.

«Паранойяльная шизофрения. Наблюдается агрессивность, склонность к вызывающему антиобщественному поведению. Обладает задатками лидера, собирает вокруг себя людей самого различного склада и социального положения» – так гласила справка. Насчет консолидации людей различного склада я смог убедиться лично.

Дверь мне открыла сильно декольтированная, в причудливом туалете от Зайцева, девица.

– К Славику? – взвизгнула она радостно. – Парниша, я тебя люблю, хоть у тебя и рожа, как у нашего участкового... Ха-ха, шучу, красавчик.

Она влажно чмокнула меня в губы и пропустила в квартиру. Там было дымно, людно и шумно. В руках у людей были банки с пивом, стаканы с шампанским и

женские плечи (а то чего и похлеще!). Полуголая деваха с наголо бритой головой, на которой масляной краской была нарисована пышная прическа, сидела на рояле. А тип со зверским выражением лица, во фраке в горошек наяривал на нем «космическую музыку». В типе я узнал руководителя модной группы «Крик мартокота», с которой у «Завалинки у Грасского» был совместный коммерческий проект. Сам Грасский возвышался на старинной тумбе с гнутыми ногами в позе Маяковского с плаката и читал стихи Байрона. Первые пять минут он срывал аплодисменты, все чаще переходящие в свист. После пятого стихотворения его просто скинули с тумбы, и он упал, черт его дери, прямо в мои объятия.

За время, прошедшее с моего посещения «Завалинки», Грасский успел приобрести вполне пристойный вид. Он добрил голову, оделся в черный смокинг, нацепил на шею желтую бабочку в красный горошек. Теперь он почти походил на человека. И человеком, на которого он почти что походил, был народный артист Филиппов в роли Кисы Воробьянинова, если бы ему сбросить годков двадцать.

– Вы?! – Грасский узнал меня сразу и моментально деловито озлобился. Оттащив меня в сторону, базарно осведомился: – Что вам здесь надо, милиционер?

– Обхожу поднадзорных. Тех, которые проходили стационарное лечение, лежали в психиатрических лечебницах.

– А при чем тут я?! В лечебницу меня затолкали злопыхатели! Вышел оттуда благодаря протестам Союза театральных деятелей, комиссии по правам человека, Хельсинкской группы и лично посла Соединенных Штатов Америки. Понимаете – Соединенных Штатов! А ты кто такой?!

– Уж не посол, конечно. Поэтому предпочитаю всех психов проверять сам, а не доверяться Хельсинкской группе, – мне надоело разводить дипломатию. Моя некогда стальная нервная система в последнее время стремительно ржавела.

– Что?! Да ты сам псих! А их я ненавижу! Это мое кредо!

– Да, отбросы Вселенной, – кивнул я, вспомнив высказывания самого Грасского.

– Вот именно! – режиссер заводился. – А отбросы утилизируют. Они исчезают!.. А сейчас двигай отсюда. Не то «Голос Америки» натравлю. Вон его корреспондент, – он кивнул на скучного очкастого субъекта, что-то ищущего в вырезе незнакомки, открывавшей мне дверь...

Тот самый разговор об «отбросах» выплыл в моей памяти через несколько дней. Я тогда как раз понял, что в Москве в последние полгода исчезают психбольные!

Первым я обнаружил исчезновение сумасшедшего изобретателя, трудившегося над эликсиром молодости и пастой для выпадения зубов. Потом выяснил, что пропал «Черепашка-ниндзя». Затем установил, что куда-то исчез родной брат великого американского гангстера Лакки Лучиано.

Меня кольнуло дурное предчувствие. Интуиция подсказывала – тут что-то есть, а она меня редко подводит. Я совместил данные оперативно-разыскного отдела ГУВД, занимающегося розыском без вести пропавших, с картотекой подучетников... За последнее время их испарилось более полусотни. И сей факт, похоже, никого не волновал... Первая мысль была – орудует банда, ставящая целью завладение квартирами психбольных. Но оказалось, что никто квартирами их завладевать не собирался.

К начальству со своими выводами я не спешил. Нужна тщательная проверка. Необходимы еще факты, чтобы не быть поднятым на смех. Нужно еще поработать с «контингентом» – если в этой среде правда что-то не в порядке, то я обязательно наткнусь на это что-то.

Я так и поступил. И оказался прав.

В тот день, отведав Кларину яичницу, я двинул продолжать отрабатывать очередных подучетников. На очереди у меня был Шлагбаум (это фамилия, а не кличка и не продукт бреда). Кто же мог предположить, что после этой встречи все пойдет вверх тормашками!

Мне открыл дверь худощавый собранный господин лет сорока, с длинными волосами. На его носу приютились круглые очки-велосипед, бывшие модными пятьдесят – сто лет назад.

– Заходите, – порывисто воскликнул он, втащил меня за рукав в комнату, выглянул на лестничную площадку, огляделся и осторожно закрыл дверь. – Я ждал вас, товарищ...

* * *

Комната была обставлена скудно и бедно. В ней среди бумажного мусора возвышались три грубых стула и не менее грубый корявый стол, на котором располагалась древняя машинка «Ундервуд». Рядом с машинкой были навалены стопки испечатанных листков. Длинные кривые полки ломились от груд беспорядочно набросанных книг и журналов. Раскладушка была аккуратно застлана серым одеялом – такие выдают в каптерке в военно-строительных частях и дисциплинарных батальонах. На выкрашенной в болотно-зеленый цвет стене висел детекторный приемник. Зато в углу стояли роскошный телевизор «Панасоник» и видеомагнитофон «Сони-трилоджик», а также СД-проигрыватель.

Я прошел в комнату, огляделся.

– Вы с ума сошли! – Шлагбаум схватил меня за рукав и резко вытащил в коридор, оставив там в полной растерянности.

Он метнулся в комнату, задернул плотные шторы, после чего там стало темно, как в фотолаборатории. Затем зажег тусклую желтую лампочку в самодельной настольной лампе.

– Теперь можете проходить... Как вы неосторожны. В Лондоне совсем забыли о конспирации?

– Почему в Лондоне? – поинтересовался я.

– Ах, вы не из Лондона. Цюрих? Париж?

Я пожал плечами и издал маловразумительное восклицание, которое можно было расценить как согласие.

– Ах, Париж, – закатил глаза Шлагбаум. – Я был там много раз. С Мартовым мы издавали там газету «Новое слово». Это были хорошие времена. Мы были

молоды и наивны.

Он вздохнул и неожиданно схватил обеими руками мою кисть, встряхнул в горячем дружеском приветствии. Пальцы у него были тонкие, как прутики, крепкие и цепкие, как крючья монтерской кошки.

– Я уважаю ваш поступок, товарищ! – возбужденно воскликнул он.

– Ну...

– Не скромничайте, – он отпустил мою руку и забегал по комнате, сопровождая свою горячую речь яростной жестикуляцией. – Горлопаны, безответственные демагоги и соглашатели на уютных конспиративных квартирах на Западе в узком кругу дерут глотки о благе народа, хотя они страшно далеки от этого самого народа. Время слов кануло в Лету. На дворе время действия! Действия жестокого, решительного! – он вскипал моментально и мгновенно охлаждался. Неожиданно спокойно он осведомился: – Вы, наверное, ничего с дороги не ели?

– Спасибо, я не голоден.

– Не скромничайте. Хотя бы отведайте чайку. Нашего. Сибирского.

Шлагбаум исчез на кухне, а я примостился на стуле, с которого переложил на стол пачку отпечатанных на «Ундервуде» страниц.

Минут пятнадцать он шуршал там, гремел посудой, передвигал какие-то тяжести. Мне стало скучно, и я начал рассматривать книги. Они все без исключения были посвящены политике. Труды Маркса – Энгельса, Ленина, Плеханова, Каутского, Гитлера, Черчилля. Труды деятелей времен нынешних. Воспоминания бывшего председателя весьма серьезного ведомства – «Как я продал КГБ». «Исповедь на трезвую голову» – это перо деятеля повыше. Валерия Стародомская – «Моя борьба». «Юридическое обеспечение банно-прачечного дела в Узбекистане» – творение бывшего петербургского мэра. «Банда Чубатого. Серия – преступники века», ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК КПРФ... Я взял лежащий около пишущей машинки отпечатанный лист. «Воззвание к трудовому народу».

Шлагбаум появился с подносом, на котором красовались тарелка с черствым черным хлебом и задубелым сыром, сахарница с желтым кусковым сахаром и две здоровенные оловянные кружки, в которых дымилась чернильная жидкость, отдаленно напоминающая чай.

Шлагбаум пил из кружки маленькими глотками, ел сахар вприкуску, с хрустом перемалывая его мощными челюстями. Я принялся к содержимому кружки и, поморщившись, отхлебнул чуток. Так и есть – чистейший чифирь.

Шлагбаум довольно захихикал, глядя на мину на моем лице.

– Подзабыли в Парижах наш революционный напиток. Я пристрастился к чайку в первую сибирскую ссылку в Верхотенске. Дело «Южно-Русского рабочего союза». Помните?

– Что-то припоминаю, – неопределенно пожал я плечами.

Действительно, что-то знакомое, но что – я вспомнить не мог.

– Вас тогда еще не было на свете... Впрочем, прочь воспоминания! К делу. На чем я остановился? А, настало время действовать. Меняются времена. Меняются подходы. Ульянов – этот «профессиональный эксплуататор русского рабочего движения», как я писал о нем еще в одиннадцатом году, слишком много внимания уделял пропаганде и агитации. Эсеры делали ставку на террор и насилие. Вчерашний день! Каменные топоры и луки со стрелами! С буржуазией надо бороться ее собственными методами!

Он вскочил и заметался по комнате, он искрился энергией, как замкнувшая высоковольтная линия электропередачи.

– Народ – пролетариат, колхозное крестьянство и трудовое фермерство – прозябает в холоде и нищете. Пора позабыть старые распри. Деньги – вот адская машина революционера нашего времени! К чему брать с боем почту, телеграф и банки? К чему завоевывать газеты и телевидение? Их можно скупить!

Надо признать, некоторая логика в его словах была. Они возбудили во мне профессиональный интерес. Где, интересно, он собирается взять деньги на

почту, телеграф и банки?

- Откуда взять деньги, спросите вы, - он будто прочел мои мысли. - Экспроприация экспроприаторов. Буржуазия сама должна передать нам орудия, которыми будет выкопана ее могила!

Еще интереснее. Моя любимая тема - экспроприация. Эх, если бы поконкретнее.

- Моисей Днепротесович... - начал я.

- Не скромничайте. В узком кругу можете называть меня настоящим именем.

- Простите, а как?

- Вы шутите? Конечно, Лев Давидович. Фамилия моего отца, скромного колониста из Херсонской области, была Бронштейн. Позже я приобрел вторую - партийную - фамилию. В насмешку я позаимствовал ее у старшего надзирателя Одесской тюрьмы, куда в первый раз отправил меня ненавистный самодержавный режим. Я стал Львом Троцким!

- А-а-а, - несколько растерянно протянул я.

Вспомнилась пространная справка на Шлагбаума. «Приступообразная прогрессирующая шизофрения. Паранойяльный синдром, выражающийся в бреде реформаторства. отождествляет себя, как правило, с известными в прошлом политическими деятелями, всегда в оппозиции к режиму. Умеет заводить толпу и воздействовать на массы. Обладает ярко выраженными организаторскими способностями, порой готов на конструктивные действия ради реализации своих бредоподобных фантазий. Активен. Демократия и свобода слова - наиболее благоприятная среда для протекания его болезни и реализации болезненных устремлений».

- Мы победим. Рабочие массы, колхозное крестьянство и трудовое фермерство пробуждаются. Консолидируются под руководством маяков партии. Но враг не дремлет. Чтобы сохранить свое господство, он не останавливается ни перед чем. Тюремные, психиатрические лечебницы!.. Или просто убийства. Исчезают наши товарищи. Лучшие из нас!

– Как исчезают? – подался я вперед.

Эта тема интересовала меня теперь не меньше, чем экспроприация толстосумов.

– Как исчезают? Без сле-еда-а, – растягивая звуки, протянул Шлагбаум-Бронштейн-Троцкий.

– Кто исчез?

– Списки в секретных партийных архивах, – прошептал он.

– Кто же виновный?

– Буржуазные отродья, пьющие кровь из пролетариата, колхозного крестьянства и трудовых фермеров. Жизнь – борьба. Смерть нам не страшна, – он плюхнулся на стул, поднял кружку и несколькими большими глотками осушил ее. Вытер рукавом подбородок. Крякнул.

Лицо его покраснело, и, по-моему, даже очки запотели. Он снял их, встряхнул головой и внимательным пронзительным взглядом уставился на меня. Нехорошо так уставился. Недобро.

– Кстати, а вы кто такой? Где ваш мандат, товарищ?

– Нет мандата.

– Может, вы шпик из охраны, – нахмурился Шлагбаум-Бронштейн.

– Нет. Я из специальной психиатрической службы, – мне стало понятно, что, играя роль товарища из Парижа, я больше ничего не вытяну. Зато можно попытаться официально переговорить с ним. – Профилактический обход.

Шлагбаум приподнялся. Я тут же понял, что совершил ошибку. А вдруг хозяин из именного «нагана» захочет расстрелять контру. Или бросится с кружкой наперевес на «врага пролетариата, колхозного крестьянства и трудового фермерства». Но Шлагбаум лишь уселся поудобнее на стуле.

- Нам не о чем больше говорить с позорным наймитом.

- Вы обмолвились об исчезновениях, - начал я. - Тут я мог бы помочь вам.

- Даже под пытками я ничего не скажу грязному прихвостню буржуазии.

А ведь действительно такой и под пытками ничего не скажет.

- Да и времена не те, - вдруг совершенно спокойным, ровным голосом, в котором не было и следа недавнего надрыва и кипения страсти, произнес Шлагбаум. - Я ничего не скажу без адвоката. У меня есть права, гарантированные Конституцией. В случае насилия и произвола я подам в суд и подниму на ноги всю общественность, молодой человек.

- Тогда всего доброго. - Я встал, прикидывая, как бы лучше отправить его в желтый дом. Ныне сделать это очень нелегко. Но не ждать же, когда он начнет экспроприировать толстосумов и прибирать к рукам телеграф.

На пороге квартиры Шлагбаум взял меня за рукав, приблизился и, глядя в глаза, прошипел:

- На тебе, шпик, теперь печать. Будешь путаться под ногами - ничего не спасет.

Говорил эти слова Шлагбаум с толком, чувством, расстановкой. Я почувствовал, что действительно ввязываюсь в какую-то темную, опасную историю.

Эх, как только я занялся этими несчастными психами, мой привычный жизненный уклад, установившиеся отношения с Кларой, сослуживцами, друзьями - все стало меняться, ломаться, осыпаться изъеденной временем и непогодами штукатуркой. Предгрозовое ощущение - еще не гремит гром, не сверкают молнии, но воздух уже насыщен враждебной энергией.

Я спускался по лестнице, ощущая спиной, что глаза Шлагбаума буравят меня через линзы очков, как две лазерные пушки...

* * *

Небольшой блестящий ярко-желтый параллелепипед – на вид не скажешь, что он весит два килограмма. Но когда возьмешь его, он с неожиданной силой начинает оттягивать руку. Золото – один из самых тяжелых металлов. Пятьдесят семь слитков – сто четырнадцать килограммов, некруглое число.

Эту партию приобрел коммерческий банк, имевший лицензию на сделки с драгметаллами. По каким-то причинам дорогой груз доставлялся из Сибири в Москву не воздушным путем, а железнодорожным транспортом. Пятеро вооруженных охранников были готовы встретить шквальным огнем любых «конкистадоров», которые отважатся прийти за этими слитками. Но желающие вряд ли найдутся.

Вторые сутки стучали колеса, и за окнами проносились леса, городишки, перелески, бесконечные шлагбаумы, будки обходчиков. В который раз поезд, повинувшись сигналу семафора, начал тормозить и замер, дожидаясь момента, когда диспетчер сообщит, что путь свободен.

Когда поезд замирал, охранники напрягались. Нужно быть готовыми ко всему. Оценить обстановку. Прикинуть, откуда может случиться нападение. Сейчас нападать неоткуда. Чистое поле – не лучшее место для засады. Тут можно положить любое количество врагов. Впрочем, в мифических «конкистадоров» никто всерьез не верил. Это возможность чисто гипотетическая. Бандиты найдут себе кусок поменьше, но который легче урвать. Бросаться на амбразуру – не в их правилах.

К вагону подковыляла бабка, крест-накрест перетянутая цветастыми платками. В руках она держала закрытое марлей ведро и пакет с солеными огурцами.

– Милки, картошечки и огурчиков не хотите? – обратилась она к начальнику охраны. – Недорого отдам. Совсе-ем недорого, сыночки...

Позже, когда охранников привели в чувство, они еще долго пребывали в жалком состоянии. Они подверглись обработке каким-то химическим веществом. На одежде остались его следы. К какой группе оно принадлежит, эксперты установить не смогли. Сошлись на мнении – нечто более близкое к фармацевтике, чем к отравляющим веществам.

И милиция, и служба безопасности банка долго выворачивали охранников наизнанку, но ничего членораздельного пострадавшие сказать не могли. Их память отшибло напрочь. Большинство помнили лишь, как поезд начал тормозить. Кто напал? Как? Куда делось золото? Эх, кабы знать. Наконец, один из охранников признался:

- Помню, бабка предлагала картошку... Вытащила что-то из ведра... Хлопок...

- Что вытащила?

- Пистолет. Хи-хи, точно, пистолет.

- Чего смеешься?

- Она выстрелила в меня из игрушечного пистолета. Такой серебряный пистолет. Как у пришельцев из «Звездного пути». Хи-хи. Игрушечный такой, хи...

У охранника началась истерика...

* * *

Моя жизнь продолжала наполняться чудесами. Вчера на ужин Клара приготовила мясо. Правда, оно получилось жесткое, было посыпано мелконарезанными бананами – моя красавица где-то вычитала, что бананы придают мясу особый вкус, хотя скорее всего просто перепутала их с луком. Меня ее поведение начинало тревожить не на шутку. Ох, подложит она мне свинью. Да не простую, а элитную, как из рекламы ветчины «Хам».

- Дорогой, – неожиданно заговорила Клара. – Ты всегда так занят, весь в работе. Какой-то усталый, угрюмый. Я вот почитала Дейла Карнеги. Вся твоя беда, что ты держишь все в себе.

- Не думаю, что это самая большая моя беда, – буркнул я.

- Самая. Невысказанные переживания осаждаются донным илом в подсознании и разрушают его. Ты же никогда ничего не рассказываешь о своей жизни.

О работе.

- С чего тебя заинтересовала моя работа?

- Милый, я хочу посочувствовать тебе. Посопереживать.

- Клара, ты хитришь. Что тебе нужно?

- Как? Ты не понимаешь? Я хочу лишь, чтобы ты не замусоривал свое подсознание. Чтобы всегда улыбался. Чтобы у тебя было отличное настроение.

- У меня и так отличное настроение. И я ни с кем никогда не говорю о работе, кроме тех, кому это положено по должности.

Интересно, что у нее на уме? Если она преподнесет мне завтра жюльен и индейку в киви и яблоках, впору будет уносить подобру-поздорову ноги.

Перед выходом из квартиры я одернул перед зеркалом пиджак. Когда под мышкой кобура с пистолетом, даже в жару приходится таскать костюмы или, на крайний случай, ветровку.

Не сказал бы, что мне слишком нравится моя внешность. Честно сказать, она мне совсем не нравится, но я не комплекую по этому поводу. Охота забивать голову всякой ерундой. Внешность как внешность. Типичный полицейский барбос тридцати лет от роду. Ни худой, ни толстый. Морда красная – не от пьянства, а от рождения. Не накачан – спортом никогда не увлекался. При первой встрече со мной, как я заметил, взор приковывает не мое заурядное лицо, а руки. Огромные кувалдометры, будто я всю жизнь простоял в кузнице. Мои руки сразу наталкивали на мысли о переломанных костях и вдавленных носах. Надо сказать, после моего кувалдометра мало никому не казалось. На правой руке тускло светился массивный платиновый, с бриллиантом перстень. Естественно, нужен он мне был не для пижонства и не для крутизны, как полудиким мафиозицам. Просто это фамильная драгоценность, переданная мне прабабкой-белоэмигранткой.

- До вечера, дорогая, – я чмокнул Клару в щеку...

Официально работа в МУРе начинается в десять часов, но принято приходить минут на двадцать пораньше. После пятиминутки я устроился в кабинете, наполненном галдящими, курящими, дурачащимися великовозрастными детишками, именуемыми операми. Я все-таки сумел сосредоточиться и отпечатал на компьютере недельный план. Кто-то на очень верхнем верху в очередной раз съехал с ума на этих планах. И теперь приходилось писать планы работы, планы по составлению планов работы, планы по улучшению планирования – ну и далее в том же духе.

Изготовив бумагу и подписав ее, я несколько минут пялился в окно. Кто-то мог бы подумать, что я с какой-то целью изучаю унылое желтое здание напротив. Но я был занят другим. Сначала я отмерял семь раз. Потом еще раз по семь. Потом решился, вытащил из портфеля видеокассету с новыми российскими мультиками, которые принес мой брат, работающий на телевидении, и отправился к шефу.

У шефа два главных хобби. Одно – мультики. Он смотрит только их, знает наизусть и постоянно цитирует. Второе увлечение – игра в шашки в поддавки. Сейчас он сидел в своем кабинете и играл в них со своим главным партнером – прокурором отдела прокуратуры города Курляндским. Тем самым, который хотел закрыть «Завалинки у Грасского». В поддавки они вдвоем резались не первый десяток лет, начинали еще на галерках в аудиториях МГУ, когда вместе таким образом отлынивали от изучения юридических премудростей.

– Вон ту шашку двиньте, – подсказал я шефу.

– Подсказчик выискался! – возмутился Курляндский. – Санкцию на арест не дам.

– На чей арест?

– Ни на чей не дам.

Шеф все-таки двинул шашку по моей подсказке... И проиграл партию в четыре хода.

Курляндский расплылся в улыбке и, довольно потеряв руки, кивнул мне:

- Молодец, Гоша. Приходи в любое время, на кого хочешь санкцию получишь.

- А я тебе еще линию по алкоголикам дам, - сообщил шеф мрачно.

Я заискивающе протянул ему видеокассету, и он тут же размяк.

- Подарок, - сказал я. - В продажу еще не поступала. Братишка на телевидении стащил.

- Молоток у тебя брат, - оценил шеф. - Ну, рассказывай, зачем пришел.

Я изложил жгучую историю об исчезновении психбольных и высказал предположение, что тут не обошлось без чьей-то вражьей руки.

- И что ты, братец Лис, предлагаешь? - В голосе шефа я не различил никакого энтузиазма.

- Для начала создать следственно-оперативную бригаду.

- Георгий, а психзаболевания через рукопожатия не передаются? - заботливо осведомился шеф. - А воздушно-капельным путем? На тебя что-то неважно действует общение с контингентом.

- Но ведь психбольные пропадают.

- Мало ли. На то они и психи, - вставил словечко Курляндский. - Одни пропадают. Другие порнографические и сутенерские газеты издают. Кстати, я позавчера одну такую закрыл.

- Так чего мне делать? - возмутился я. - Обо всем забыть?

- Как забыть? - вскипел шеф. - Работать надо. Я твоей интуиции доверяю. У тебя «нюх как у собаки, а глаз как у орла» - в «Бременских музыкантах» поют... Трудись, Георгий.

- Ценное пожелание.

– Знаешь что, сходи к Дормидонту Тихоновичу Дульсинскому.

– К кому?

– К тому профессору, с которым мы тебя познакомили в театре. Лучше его в повадках ненормальных никто не разбирается.

Шеф протянул мне черную лакированную визитку, где серебряным тиснением перечислялись многочисленные, и далеко не все, звания и достижения профессора Дульсинского, а также его телефоны.

– Он никогда не отказывал нам в помощи...

Я вернулся в кабинет и первым делом стал названивать по телефонам, указанным в визитке. По третьему телефону я дозвонился. Представился. Профессор вспомнил меня сразу. И действительно, согласился помочь, назначил встречу у себя на квартире в восемь вечера.

В назначенное время я был на месте. Жил профессор на Тверской улице в сталинском доме, увешанном мемориальными досками.

Открыл мне голубоглазый телохранитель и шофер. Я умудрился вспомнить, что кличут его Марсель Тихонов – в театре он торчал за спиной профессора, как бульдог, готовый вцепиться в любого при первом опасном жесте в отношении хозяина. Роль дворецкого он исполнял на пять баллов – естественно и спокойно. Он взял из моих рук портфель и поставил его в стенной шкаф, подал мне мягкие пушистые тапочки, слегка поклонился, махнул рукой в сторону комнаты и проскрипел:

– Вам туда. Ждут.

С высокого лепного потолка свисала старинная фарфоровая люстра, стеклянные двери с бронзовыми ручками как нельзя лучше гармонировали с массивной антикварной мебелью и тяжелыми красными бархатными порттьерами. В обстановке комнаты чувствовались стиль и богатство. Это тебе не примитивные импортные мебельные поделки – предмет обожания новой русской буржуазии.

– Мои предки славились отменным вкусом, – профессор заметил, что на меня произвела впечатление обстановка квартиры.

Он взял меня мягко под локоть, предварительно стряхнув с моего пиджака невидимую пылинку, и провел к креслу.

– Мой прадед исцелял человеческие души еще при царе. И дед занимался тем же. И отец. Все были в почете, потому что дело свое знали. Вот они.

Он взмахом руки обвел вывешенные на стенах, очень неплохо исполненные портреты.

– Этот – кисти Нестерова, – сообщил мне профессор. – А это – Налбандян. А этот портрет, на котором ваш покорный слуга, исполнен Ильей Сергеевичем Глазуновым.

– Да-а... – я уселся в кресло. Напротив меня устроился профессор.

Голубоглазый зомби вкатил в комнату столик на колесах, на котором дымился серебряный кофейник, а также в обилии были закуски, фрукты, возвышалась бутылка коньяка.

– Настоящий армянский коньяк. Коллекционный, – профессор провел пальцами по бутылке.

Голубоглазый зомби Марсель разлил по чашкам кофе, плеснул в специальные коньячные рюмки коньяк и, повинувшись кивку хозяина, плавно удалился.

– За продолжение знакомства, – профессор поднял рюмку. Я проглотил обжигающую жидкость. Коньяк на самом деле был отменный. Теперь долька лимончика к нему. Прекрасно! Я почувствовал, что мне здесь хорошо.

– Что вас привело ко мне? – перешел к делу профессор.

– Дело несколько странное, – начал я. – Хотелось бы получить квалифицированную консультацию.

– Весь внимание, – добродушно улыбнулся он, поощряя меня начать рассказ.

Он действительно очень внимательно выслушал мой рассказ, поглаживая края рюмки холеными пальцами. Лишь пару раз перебил меня и задал толковые уточняющие вопросы.

– Каково ваше мнение? – спросил я, завершив повествование.

– Для мнения слишком мало информации. По-моему, вы излишне драматизируете ситуацию. Люди с нездоровой психикой обычно существуют в разладе как с окружающим миром, так и с самими собой. Пытаясь уйти от травмирующих внешних обстоятельств и от себя, они нередко считают, что их спасет перемена мест. И тогда они становятся бродягами.

– Почему сразу столько народу подалось в бродяги?

– Кто ж знает. Может, на них повлияли вспышки на солнце или лунные циклы. Я на практике убедился – мои пациенты очень чувствительны к гелиобиологическим и астрологическим факторам. А еще на них действует биоэнергетическое состояние общества. Их нервы обнажены.

– Я не психиатр. Но я достаточно опытный сыщик. Тут что-то другое. Более приземленное... И опасное.

Профессор в ответ только пожал плечами.

– Дормидонт Тихонович, вы столько лет имеете дело с миром сумасшедших. Наверняка должны ходить какие-то слухи, истории, сплетни, которые кажутся на первый взгляд досужими. Должна быть какая-то зацепка.

– Эта область полна тайн, – кивнул задумчиво профессор. – Пограничье. Грань иных миров. Возможно, психиатрия – дверь не только во внутренние пространства, но и в какие-то объективные реальности... Конечно, общаясь с больными, да и с коллегами, услышишь немало всякой чепухи. Мой хороший знакомый, главврач подмосковной детской психиатрической лечебницы, утверждает, что к нему в последнее время поступают с ошибочным диагнозом «шизофрения» дети, контактирующие с иным разумом. Он уверен, что они

говорят правду. И якобы над больницей зависали НЛО. Как вам?

– Ему самому надо лечиться.

– Так ли?.. Ходит, конечно, немало сплетен. В основном пустячных. Например, о «чистильщиках».

– О ком?

– Якобы существует секта, готовящаяся к концу света и объявившая войну бесовской рати. Она проповедует очищение мира от приспешников Сатаны. Испокон веков считалось, что психически нездоровые люди одержимы бесами. Как легче всего избавиться от такого беса?

– Убить того, в ком он сидит, – замороженно кивнул я.

– Впрочем, молодой человек, все это слухи. Слова, в которых вряд ли есть хоть крупица правды.

– Вы с большей готовностью поверите в НЛО над детской психбольницей?

– Почему бы и нет.

– Я больше верю в злодеев, чем в зеленых человечков.

– Такова ваша профессия.

Профессор так и не смог конкретно вспомнить, что еще слышал о «чистильщиках» и откуда. Мы посидели еще некоторое время, уговорили-таки бутылку коньяка. Отказавшись от предложенной машины с шофером, я вышел в синий летний московский вечер.

До станции метро «Пушкинская» было несколько остановок на троллейбусе. Я решил одолеть это расстояние пешком, немножко проветрить затуманенную армянским коньяком голову.

Москва готовилась к ночной разудалой жизни. Вылезали из «Тойот» и «Ниссанов», расползались по кабакам и дискотекам новые русаки, нервно озирались «съемные» дамы, ищущие кавалера на один вечер, раскручивались колеса рулеток, давая разгон темным человеческим страстям. Смешивались коктейли, кололся лед, охлаждалось пиво, припускались осетры и жарились молодые поросята. Впереди – разгульная, бездумная, пошлая и веселая московская ночь...

Я увидел ее, идущую от сиреневого «БМВ». Спина ее кавалера мелькнула и скрылась в дверях, так что я не успел рассмотреть его. Зато воздушную женскую фигуру я разглядел очень хорошо. Плавно, как белоснежная прогулочная яхта, к фешенебельному валютному кабактору причаливала моя Клара.

Значит, все-таки флирт. Даже скорее всего романчик.

У меня современные взгляды. Выяснение отношений, истерические крики, вызов соперника на дуэль, планирование головой вниз с моста или жевание по ночам пропитанной слезами подушки – это все не по мне. Ее право флиртовать с кем угодно. Тем более у меня тоже есть такое право, которым я время от времени пользуюсь. Да и Клара – кошка, которая гуляет сама по себе, точнее, порхает, куда ветер носит. И никуда она от меня не денется.

Я кинул взгляд на номер «БМВ». У меня неплохая память на цифры, и номер засел намертво в моей голове. Хотя проверять его по картотеке, выяснять, кто хозяин машины, я посчитал ниже своего достоинства. И, как потом оказалось, зря. Это сильно облегчило бы мне жизнь и спасло бы массу сил и нервов. Но если бы знать заранее, где плюхнешься...

* * *

«Из больницы специального типа в Ленинградской области совершил побег общественно опасный психбольной Феликс Цезаревич Великанский, 1968 года рождения, прописанный в г. Москве, Ленинградский просп., 68, кв. 14. Приметы – рост 2 метра 1 сантиметр, атлетического телосложения, на лице и теле обильный волосяной покров, лицо квадратное, уши равнооттопыренные, глаза навывкате, лоб покатый, низкий, брови дугообразные, кустистые, сросшиеся...» Ну и так далее. Вполне точное описание экваториальной гориллы из

Московского зоопарка. На ориентировке красным по белому была выведена резолюция начальника МУРа: «Тов. Ступину. Составить план мероприятий, принять совместно с оперативно-разыскным отделом меры к розыску и задержанию». Отлично. Теперь есть козел отпущения на подобные случаи – тов. Ступин.

Феликс Великанский. Как же. Знаем. Помним. По всенародной славе он вполне может потягаться с маньяком Чикатило. Немало бессонных ночей преподнес он работникам МУРа и областного уголовного розыска. Обычно действовал он в лесопарках, но не пренебрегал и темными переулками, глухими подъездами и замусоренными строительными площадками. Его жертвами чаще всего становились молодые парочки, неблагоразумно посчитавшие, что нашли уютное местечко для уединения. Едва только начинались первые вздохи и поцелуи – тут как из-под земли выросло человекоподобное чудище. Без малейшего труда оно нейтрализовывало сопротивление и тащило бедняг в заранее подобранный подвал, чердак или бойлерную. Там Великанский связывал жертвы и жестоко, цинично обнажался перед ними. С учетом его внешних данных, это могло быть приравнено к истязаниям. Правда, он не только никого не убил, но ни разу даже не пошло дальше небольших синяков. Список только известных его жертв быстро перевалил за сотню. А количество ушатов грязи, опрокинутых на милицию за бездействие, наверняка перевалило далеко за тысячу... Сбежал. Теперь опять будут выстраиваться в отделах милиции в длинную очередь его жертвы.

Я положил ориентировку в папку с материалами, отметив на ней синим карандашом: «Побег». За последние полгода количество побегов из больниц специального типа резко возросло. Я пока не понимал, как именно, но чувствовал, что эти побеги тоже укладываются в загадочную картину, занавес с которой я безуспешно пытался сорвать. Кинув папку в сейф, я запер его и отправился домой.

Чем примечательна работа сыщика – она не отпускает его и дома. Мысли о ней цепки, они норовят занять все свободное пространство в сознании. Когда им не хватает дня и вечера, они являются ночью, часто в виде кошмаров.

Кстати, в последнее время поголовье моих ночных кошмаров резко растет. Пропавшие психи, Шлагбаум-Троцкий, колоритные персонажи – идеальная питательная среда для них. Теперь можно не сомневаться, что беглый эксгибиционист Феликс Великанский тоже присмотрит в одном из кошмариков

уютное местечко. Голый Великанский во сне – это еще похлеще врежет по нервам, чем когда ты сам во сне голый очутишься где-нибудь на фуршете или на вручении грамот в ГУВД.

Часы показывали двадцать три сорок. Я уже решил отправиться спать, надеясь, что сегодня кошмары помилуют меня. Не тут-то было. Послышался настойчивый звонок в дверь.

– Кого черти несут? – прошептал я.

Посмотрев в глазок, я отпер замок, распахнул дверь. И в квартире наяву материализовался мой маленький любимый кошмарик – Клара.

После того, как я несколько дней назад видел ее у кафе, она исчезла. И вот на ночь глядя она появилась как ни в чем не бывало и с милой улыбкой сообщила, что за это время в ее жизни произошло много интересного. Так, она побывала в бывшем совминовском санатории в Воронове, где происходил отбор телеведущих в новую телеигру «Москва – Париж», естественно, перспектива пребывания больше в Париже, чем в Москве. Она прошла все туры, заняла первое место, решила уже было согласиться, но привязанность ко мне перевесила, и теперь я не кто иной, как губитель ее карьеры. Ей, оказывается, совершенно не на кого меня оставить. Кто, спрашивается, будет готовить мне завтраки, гладить рубашки и следить за моим здоровьем?.. После такого пассажа я лишился дара речи. Все вопросы, которые я хотел ей задать, снялись сами собой. Все равно соврет, как про мифический конкурс.

Утром она встала раньше меня и разогрела мне завтрак. Когда я уходил, она разгладила ладонями рубашку мне на груди, потом легким движением фокусника или профессионального карманника извлекла из сумочки часы «Ориент» и застегнула их браслет на моей руке.

– У тебя ведь совсем нет часов, дорогой.

Я о тебе всегда помню.

– Спасибо, милая, – произнес я, сдержавшись, чтобы не спросить, помнит ли она обо мне в валютных кабаках, где гуляет неизвестно с кем.

Выйдя за дверь, я сразу же снял часы и положил их в карман. Не терплю, когда браслет давит на руку, потому и не ношу их.

Итак, Клара сделала мне подарок. Первый за все годы знакомства. А тут еще эти завтраки. Нет, дело тут не только в чувстве вины из-за какого-то флирта. Тем более что чувств, подобных раскаянию, в таких случаях она не испытывала. Странно все это. Очень странно.

Вообще в окружающем меня мире усугублялись какие-то дисгармония и разлад. Что-то происходило, непонятные события нарастали как снежный ком – я ощущал это, но связать воедино разрозненные факты пока не мог.

* * *

Слежку я почувствовал у метро «Чистые пруды», когда покупал на лотке газету городских новостей.

– Возьмите еще эту газету, – убеждал меня лоточник, протягивая сдачу. – Всего восемь рублей. Класс. Настоящий ужас.

– Ужас, да... А ты знаешь, что такое настоящий ужас? – спросил я его.

Он недоуменно посмотрел на меня и пожал плечами – мол, мужик не в себе. Похоже, про ужасы он судил лишь по фильмам ужасов да по своим газетам. А меня угнетало чувство, что мне представится возможность познакомиться с настоящим ужасом гораздо ближе. Он уже где-то рядом – я готов был поклясться в этом.

По моему затылку будто прошлись тоненькими иголками. Слежку я именно почувствовал, а не засек. И в этом ощущении было что-то гораздо более неприятное, чем просто ощущение чужого взгляда. Я будто невзначай огляделся, не увидел ничего подозрительного.

Свернув газету, я неторопливо пошел вперед. Надо побродить по городу, проделать несколько трюков, которым научился, когда в свое время год проработал в «семерке» – службе наружного наблюдения.

Проделав все упражнения на подобные случаи, «хвост» я так и не засек. Как такое может быть? Не знаю. Может, и не было «хвоста»? Но явное ощущение холодных пальцев на шее осталось.

Двумя часами позже, поедая плохо прожаренный гамбургер на скамейке в парке рядом с новеньким и чистеньким, как китайская игрушка, но все же величественным Храмом Христа Спасителя, я думал над вопросом, кто мог установить за мной слежку? Служба собственной безопасности ГУВД? На черта я им сдался со своей работой по такой линии? Госбезопасность? Я им нужен еще меньше. Враги? Врагов у любого опера полно. Но мне неожиданно припомнились угрозы Шлагбаума. А чем черт не шутит? Может, действительно он создал какую-нибудь подпольную троцкистскую организацию?

- Шлагбаум, - произнес я вслух.

Не особенно я верю в телепатию и в прочую подобную чепуху. Но когда я понял, что за мной наблюдают, вслед за этим возникло схожее неприятное чувство – как при общении со Шлагбаумом. Какая-то общая волна... Стоп, так далеко зайти можно. Нечего городить огород, когда можно все объяснить просто. Наиболее вероятное объяснение – у меня расшатались нервы и теперь мерещатся черти.

Все эти чертовы ненормальные! Где же ты, милая моему сердцу блатная братва? С тобой все понятно, пристойно, спокойно. «Стоять, гады, руки к стене! Колись, сволочь, твоя карта бита!» Ввести аккуратненько агента в среду, расколоть арестованного, затеять оперативную комбинацию – это по мне. Все просто и ясно. С этими же психами – все равно что лезть через вязкое болото. Да и знаний не хватает. Курс судебной психиатрии в институте, пара учебников, которые пришлось теперь изучать заново, общение с несколькими психиатрами – вот и весь опыт.

И все-таки мысль о Шлагбауме и его мифической подпольной организации не давала мне покоя. У меня было четкое ощущение, что тут надо что-то предпринять. Нужно начать тянуть эту нить. Как? Мне опять нужен был совет специалиста.

На следующий день, рискуя показаться надоедливым, я опять напросился в гости к профессору Дульсинскому.

– Извините, что опять беспокою вас, – промямлил я по телефону.

– Ну что вы. Я же сказал, что готов вам помочь в любое время.

Он встретил меня как старого знакомого. Снова стряхнул невидимую пылинку с моего пиджака. Снова мы сидели в креслах в музейной комнате с портретами предков. Снова голубоглазый зомби сервировал столик. Снова я пил маленькими глотками отличный армянский коньяк.

– А что. Возможно, Шлагбаум посчитал вас агентом охраны и решил развернуть против вас оперативную деятельность, – улыбнулся профессор. – Например, установить наблюдение.

– Я бы его засек.

– Может, и засекли бы. А может, и нет. Сумасшедшие порой обладают потрясающими способностями. Они проявляют чудеса хитрости, изворотливости.

– А мне что теперь? Ждать, пока он не решит покончить с проклятым прихвостнем буржуазии?

– Вот что, приведите-ка его ко мне. Я попытаюсь разговорить его, вызвать на откровенность. Все ваши навыки допроса тут бесполезны. Вы ничего не добьетесь. Я – другое дело. Заставить разоткровенничаться душевнобольного можно, лишь встав на его позицию, проникнув душой в его мир. Надо проникнуться его взглядами. Его пониманием бытия. Это очень нелегкое дело.

«И опасное для психики», – подумал я, когда профессор стряхнул в очередной раз с меня невидимую пылинку.

– Когда вам его привести?

– Можете хоть завтра, – он протянул мне карточку с адресом клиники.

Я твердо решил завтра взять Шлагбаума за шкуру и притащить его на «партийный диспут» к Дульсинскому. А после соберу на него все документы и постараюсь отправить обратно в дом скорби.

Ночь я провел как-то беспокойно. Ворочался, просыпался. Заснул только под утро, чтобы проснуться в холодном поту. Тут же вспомнил, что утром мне ехать к Шлагбауму, и почему-то эта мысль отдавалась холодом в солнечном сплетении.

- Что ты дергаешься так? – спросил я свое отражение в ванной.

Но ответа не мог сформулировать...

После утреннего совещания я выпросил у шефа машину – тащить «партийца» в общественном транспорте мне не хотелось, страшно было представить, что он может учудить, особенно если вспомнить слова из справки о том, что он в совершенстве умеет заводить толпу. А завести московскую толпу – вообще нечего делать.

- Куда едем? В какой дурдом? – ехидно поинтересовался водитель нашей отбельской бежевой «семерки», вырывая со двора Петровки, 38, через открывшиеся с металлическим лязгом ворота.

- За психом одним. Особо опасным, – мстительно надавил я на особо опасного. – Нужно его эксперту показать.

- Чего, мы его в салоне повезем? – заерзал на сиденье водитель.

- Не в багажнике же.

- Э, надо было группу взять. Наручники там... Как же...

- Да не трясись. Ну, укусит он тебя за ухо. Ничего. До смерти еще никого не загрыз.

- Тебе бы шутить, Гоша. А у меня жена, дети...

- Давай крути баранку. Справимся...

- Ну тебе и линию дали, – покачал он головой, вырывая на Петровку и устремляясь к Садовому кольцу.

Впрочем, боялся наш доблестный водитель совершенно напрасно. Когда я поднялся по лестнице и начал названивать в дверь квартиры Шлагбаума, то еще не знал, что опоздал. В местном отделении милиции лежало заявление сестры Шлагбаума об исчезновении ее горячо любимого братца...

* * *

Жизнь состоит из случайностей. Правда, скорее всего кто-то наверху, в небесах, подсовывает нам их, исходя из каких-то своих соображений. Нам эти соображения знать не дано. Поэтому где найдешь, где потеряешь – неизвестно.

Например, кто бы мог подумать, что из истории с гостиницей «Русское поле» выйдет что-то путное.

С утра я сидел за своим письменным столом, зарывшись в справки и доклады. Набрал я их немало. Пришлось связываться с ФСБ, Минюстом, Минздравом, обществом борьбы с общественно опасными сектами. Я встречался с людьми, получал у них документы, выслушивал мнения и обрывки сведений и слухов. Можно считать, что кое-какой банк данных, правда, весьма скудный, я набрал.

Было видно, что Россия переживала нашествие «духовных террористов». «Белые», «желтые», «голубые» братья, мунисты, клуб любителей Богородицы, общество Святого Варфоломея дружно и с нетерпением ждут конца света, чтобы враз стало понятно, какими прозорливыми они оказались и как все остальное человечество осталось в дураках. Они по восемнадцать часов в день предаются молитвам, самобичеваниям и целованию нечищенных ботинок своих гуру. И презрительно косятся на погрязший в пороке мир, в котором остальные люди греховно трудятся в поту, греховно создают материальные ценности и зарабатывают деньги, греховно растят детей и смотрят греховные телесериалы.

Основными жертвами сект являются, конечно, сами сектанты. Но иногда достается на орехи и посторонним. Встречаются смутные упоминания о черных мессах, сатанинских орденах, увлекающихся жертвоприношениями. Якобы на местах обнаружения изуродованных трупов следственно-оперативные группы находили и ножи с тремя шестерками – символом дьявола. Но конкретики маловато. Милиция с этой средой практически не работает. ФСБ в последнее время с излишним пиететом, граничащим с обычным бездействием и

халатностью, относится к свободе совести. Информации в правоохранительных органах крайне мало. И, что для меня самое главное, нигде нет ни одного упоминания о секте «Чистильщиков Христовых».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazancev_kirill/durdom

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)